

УДК 343

*Д.В. Зотов**

ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ФОРМАЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье анализируются различные точки зрения на понятие «пределы доказывания»; обосновывается возможность исследования пределов доказывания с позиций разумного формализма.

Ключевые слова: пределы доказывания, процесс доказывания, количество доказательств, формализм.

Существуют различные взгляды на понятие «пределы доказывания». Многоаспектность формулировок предполагает критический анализ имеющихся определений.

В исследованиях дореволюционных процессуалистов проблема самостоятельности и оригинальности понятия «пределы доказывания» не ставилась, поскольку они рассматривались как тождественные предмету доказывания. Вопрос о сущности пределов доказывания становится сравнительно новой проблемой в теории доказательств только в советский период. Однако и после появления первых специальных работ продолжилось отождествление понятий с неодинаковым значением [10, с. 4].

Вместе с тем такой подход сложно назвать конструктивным, поскольку он не фиксирует явление, объективно существующее в науке и практике процессуального доказывания. Поэтому в теории доказательств постепенно обосновывалось и самостоятельное значение понятия «пределы доказывания».

Так, в исследованиях А.С. Александрова и С.А. Фролова сложно уловить суть пределов доказывания, которые сначала утверждают о тождественности понятий «пределы доказывания» и «пределы следствия» (и предварительного расследования, и судебного следствия), после чего считают, «что объективное наполнение пределов судебного следствия составляют пределы доказывания – таковыми надо считать те обстоятельства, необходимость установления которых детерминирована содержанием обвинения, позицией сторон, предписаниями материального и процессуального закона, целью и задачами уголовного судопроизводства, но также другими факторами, которые условно можно обозначить как “судебно-следственная ситуация”» [1].

С одной стороны, неоправданно определять понятие как себе тождественное. С другой, несмотря на взаимное пересечение, очевидно, что доказывание не идентично следствию ни по задачам, ни по этапам, ни по уровням, ни по субъектам и пр. Поэтому пределы следствия и пределы доказывания полностью совпадать не могут. Вызывает также возражение множество обстоятельств, далеко перешагнувших границы предмета доказывания. Очевидно, что все, что подлежит доказыванию, определяется предметом доказывания, пределы которого нельзя отождествлять с пределами доказывания. При этом явным перебором выглядит упоминание судебно-следственных ситуаций, многообразие которых не всегда «детерминирует» обстоятельства, входящие в пределы доказывания и уж тем более подлежащие доказыванию.

* © Зотов Д.В., 2014

Зотов Денис Валентинович (zotov78@mail.ru), кафедра организации судебной власти и правоохранительной деятельности, Воронежский государственный университет, 394077, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр., 109–155.

В определении пределов доказывания можно также исходить из того, что все особенности уголовно-процессуального познания сосредоточены в состояниях вероятности и достоверности. Соответственно, «при достижении достоверного знания об обстоятельствах предмета доказывания познание характеризуется одними пределами — состоянием достоверности; при получении вероятного знания об обстоятельствах предмета доказывания познание имеет другие пределы — состояние вероятности, — пишет Р.В. Костенко. — В этом смысле достижение достоверных пределов доказывания происходит за счет перерастания совокупности доказательств в их достаточность» [6, с. 68–69]. Предложенная концепция «состояния доказанности» перекликается с концепцией «момента доказанности», выдвинутой С.А. Шейфером, который определяет пределы доказывания как «границы познавательной деятельности следователя и суда, определяемые моментом, когда цель доказывания оказывается достигнутой, т. е. когда с необходимой степенью надежности (вероятно либо достоверно) установлены подлежащие доказыванию обстоятельства. В этот момент доказывание прекращается, ибо необходимость в нем отпадает» [16, с. 86].

Заманчивость предложенных подходов обусловлена тем, что пределы доказывания рассматриваются как итог преобразования вероятности в достоверность. «Пределы», по сути, выступают тем, к чему стремится вся познавательная деятельность, т. е. целью доказывания. Однако здесь значение «пределов» сводится лишь к пассивному фиксированию состояний-моментов доказанности предмета — от версий различной степени вероятности до достоверного знания. Пределы доказывания перестают быть активным компонентом познавательной деятельности, и их роль в механизме доказывания статична. Проблематичность рассмотренных концепций в том, что «пределы» перестают служить средствами доказывания и фактически отождествляются с целью познавательной деятельности. В отдельных случаях это может рассматриваться как недопустимая подмена цели доказывания ее средствами.

В свое время А.А. Хмыров и А.М. Ларин пришли к выводам, что пределы доказывания выражают категорию единичного для конкретного дела, в отличие от предмета доказывания — общего для всех [15, с. 14–17], поскольку пределы доказывания есть совокупность вспомогательных (доказательственных) фактов в отличие от предмета доказывания как совокупности искомых фактов [8, с. 64]. Нарекания таких взглядов в следующем: 1. При таком соотношении предмета и пределов доказывания предмет вырисовывается как некий негибкий стандарт, не учитывающий особенностей конкретного уголовного дела. Иными словами, предмет доказывания «беспредметен» по отношению к отдельному преступлению, а специфика задается лишь пределами доказывания, собранными из факультативных (промежуточных) фактов. Предложенное понимание предмета несколько лишает его универсальной способности проявляться в конкретном уголовном деле, поскольку эта роль отводится пределам доказывания. То есть понимание пределов как отражение единичного влечет отсутствие общих пределов доказывания, в том числе и необходимых (обязательных) пределов, без которых доказывание невозможно. В этом плане прав С.А. Шейфер в том, что «конкретизировать обстоятельства, подлежащие доказыванию применительно к условиям отдельного преступления, действительно необходимо, поскольку в законе (ст. 73 УПК РФ) они изложены в виде общей схемы. Но в этих случаях речь идет об определении предмета доказывания на уровне, относящемся к конкретному преступлению, а вовсе не о пределах доказывания. Смешивать эти понятия нельзя» [16, с. 85]; 2. Как быть в тех случаях, когда искомые факты устанавливаются напрямую, минуя вспомогательные? Такое вполне возможно, и не редкость по делам, например, где есть реальная явка с повинной. Означает ли это, что по уголовному делу отсутствуют пределы доказывания? Вряд ли. Вероятно, требуются иные подходы к пониманию пределов доказывания.

Одной из предпосылок формирования понятия «пределы доказывания» часто выступает обращение к законодательной формулировке ч. 1 ст. 88 УПК РФ, устанавливающей, что все собранные доказательства в совокупности подлежат оценке с точки зрения достаточности. Буквальное толкование приведенной нормы позволило ряду ученых считать, что пределы доказывания – это совокупность доказательств, достаточная для установления обстоятельств, имеющих значение для дела [3, с. 50; 5, с. 97; 7, с. 13–14; 11, с. 33]. Подобное понимание является наиболее популярным и распространенным среди процессуалистов.

Однако предложенный подход имеет также свои недостатки: 1. Пределы доказывания сводятся к совокупности доказательств, хотя эти понятия неравнозначны. Процессуальная совокупность не может представлять собой разрозненный набор доказательств без логических связей между собой. Даже в тех случаях, когда доказательства противоречат друг другу, их взаимосвязь продолжает существовать – их связывает относимость к предмету доказывания. Поэтому совокупность доказательств шире пределов доказывания, так как включает не только наличие доказательств, но и их логическую взаимосвязь. Взаимосвязь доказательств является необходимым звеном в процессе перехода от количества к качеству, т. е. от пределов доказывания к достаточности доказательств; 2. С количественных позиций совокупность предполагает некую сумму, множественность числом более одного. Поэтому признание пределов как совокупности доказательств исключает возможность их достижения за счет единичного доказательства, что, конечно, не соответствует реальному положению дел. Практика знает случаи, когда процессуальное решение может быть обосновано в отсутствие суммарной совокупности доказательств.

Часто пределы доказывания выражаются через такие показатели, как объем, границы, широта, глубина, круг, полнота, мера, степень, точность, детализация, конкретизация и др. Палитра предлагаемых формулировок настолько разнообразна и удивительна для довольно-таки четких уголовно-процессуальных отношений, что все имеющиеся точки зрения представить затруднительно. Эти взгляды были подвергнуты обоснованной критике П.С. Элькинд, считавшей, что в подобных случаях происходит отождествление существа самого института с последствиями его применения, т. е. названные показатели сами по себе пределами доказывания не являются, а выступают результатом применения соответствующих пределов доказывания. В связи с этим вызывает недоумение, по какой причине сама П.С. Элькинд определяет пределы доказывания через «объем доказательств» [4, с. 92]? Трудность понимания таких определений объясняется тем, что мера как результат выводится через меру как условие.

Другой проблемой всех критикуемых определений выступает многогранность самих характеристик и сложность их восприятия. О них невозможно прямо сказать, что они показывают – качество или количество? О чем должна идти речь – об информационных свойствах доказательства, позволяющих познать обстоятельства дела, или о самом наличии источника доказательства, содержащего сведения о соответствующих обстоятельствах?

Свои варианты решений этих вопросов были предложены П.А. Лупинской, которая считала, что пределы доказывания не могут характеризоваться с количественной стороны, так как закон наполняет их качественным содержанием в таких категориях, как «достаточность», «недостаточность», «достоверность», «недостоверность»; информация, используемая в уголовном процессе, не имеет однозначного значения и не может быть выражена в количественных показателях [9, с. 129].

Следует согласиться лишь с тем, что процессуально значимая информация не может быть выражена только через количественные характеристики, позволяющие решить все вопросы предмета доказывания. Ее предназначение состоит в доведении

определенного содержания до субъекта познания, при этом качественная составляющая таких сведений будет оставаться и в тех случаях, когда они выражены в количественных показателях (глубина, степень, широта, границы, объем и др.). Восприятие сведений о преступлении только с количественных позиций невозможно.

Однако уголовно-релевантная информация не берется ниоткуда и не существует сама по себе. Важен источник ее получения. Аксиоматично, что для уголовного процесса существование информации вне источника бесполезно, равно как и наличие источника без сведений делает его бессмысленным. Но если качественная сторона сведений является обязательным (имманентным) и неотделимым условием их существования, то в характеристике источника доказательств вполне можно выделить обособленные как качественные (относимость, допустимость), так и количественные черты. Количественная составляющая источника доказательств должна быть выражена: а) в наличии источника, предусмотренного законом (что, по сути, и отражает понятие пределов доказывания); б) в возможном указании в законе на конкретный источник (необходимые пределы доказывания), содержащий сведения, обосновывающие искомый факт; в) в количестве требуемых источников, которые закон вполне может определить (например, запрет обоснования обвинения единственным собственным признанием, равно как и возможность оправдания, основанная на единственном отрицании подсудимым своей виновности).

Подобная интерпретация количественных аспектов доказывания вовсе не влечет формирования формально-достоверных выводов, «автоматически» следующих из имеющихся посылок. Стоит оставаться реалистами и, избегая ошибок прошлого, взять разумные проявления формализованного пути познания и использовать их в практике современного доказывания.

О возможности исследования понятия «пределы доказывания» в формально-количественном аспекте свидетельствуют работы ряда отечественных процессуалистов. Так, после того как Г.М. Миньковский пересмотрел ранее отстаиваемые взгляды об идентичности понятий «пределы доказывания» и «предмет доказывания», он приходит к выводу, что пределы доказывания определяют границы процесса доказывания с качественной и количественной сторон: «С качественной стороны они предполагают определение такой совокупности доказательств, которая могла бы обеспечить установление каждого элемента предмета доказывания, а с количественной стороны они должны гарантировать достоверность установления этих обстоятельств. Практическое наращивание надежности осуществляется путем собирания нескольких доказательств с «перекрывающим» друг друга содержанием» [13, с. 188].

Предложенные основания принципиально решают вопрос о возможности исследования понятия «пределы доказывания» через призму количественных оценок. При этом внимательный анализ изложенной позиции показывает, что пределы есть не количественное выражение сведений, а совокупность источников доказательств, в которых они содержатся. Значимость такого вывода состоит в возможности формирования объективных предпосылок исследования роли формальных регуляторов оценки доказательств в системе свободного внутреннего убеждения.

Вместе с тем некоторые из предложенных идей представляются спорными. В первую очередь сложно согласиться с пониманием «пределов» как границ процесса доказывания, которые Г.М. Миньковский видит в установлении объема средств достижения цели, т. е. предмета доказывания [13, с. 188]. Пределы процесса доказывания не могут быть сведены лишь к формированию надлежащих средств. Процесс доказывания как многоаспектное понятие включает целый комплекс компонентов, каждое из которых может и должно быть ограничено соответствующими пределами. Ведь, помимо самих пределов доказывания, представляется правомерным выделение пределов

самого предмета доказывания, пределов этапов (элементов) доказывания, пределов уровней доказывания, пределов способов доказывания, определения пределов для круга субъектов доказывания, пределов логической и практической познавательной деятельности, и, наконец, о временных пределах доказательственной деятельности и др.

Противоречивость приведенных взглядов состоит также в том, что если пределы доказывания понимать как «несколько доказательств с «перекрывающим» друг друга содержанием», что, по сути, сводится к совокупности источников, то такие «пределы» как раз и не могут выступать фактическим основанием для установления предмета доказывания, даже при условии, что их «перекрывающее» содержание будет обеспечивать достоверность. Такой подход в действительности будет носить формально-односторонний характер. Фактическим основанием предмета доказывания должна быть не только совокупность достоверных сведений и их источников, но и их достаточность. Однако понятие «достаточность» в приведенных суждениях не усматривается.

Проблема определения «пределов доказывания» развита в исследованиях А.С. Барабаша: «Пределы характеризуют существующее наличие доказательств, достаточность характеризует их с позиции возможности получения знания. Пределы доказывания — количественная характеристика, достаточность — качественная. Или точнее, пределы доказывания превращаются в новое качество, в знание при их достаточности. Достаточность характеризует скачок — переход количества в качество» [2, с. 88]. Причем таким знанием, по мнению автора, выступает сам предмет доказывания [12, с. 27]. Итогом таких рассуждений выступает определение пределов доказывания как «совокупности информации, которая привлекается следователем или судом в доказательственную деятельность для обоснования выводов по делу» [2, с. 89].

Однако и этот подход вызывает определенные нарекания: 1. Нельзя согласиться с тем, что пределы доказывания, даже понимаемые как совокупность информации, способны преобразовываться в предмет доказывания. Здесь налицо логическая ошибка, связанная с подменой тезиса аргументом — доказываемое не должно превращаться в доказываемое; 2. Несмотря на то что А.С. Барабаш активно отстаивает идею о самостоятельности понятия «достаточность», оно у него сливается с пределами, становится их чертой, поскольку субъекты доказывания оценивают их с позиций достаточности или недостаточности. В связи с этим сложно согласиться с точкой зрения о ярко выраженной субъективной окраске пределов доказывания, так как они «являются совокупностью доказательств, используемой конкретным субъектом в процессе доказывания. С позиции одного субъекта есть совокупность доказательств, устанавливающая обстоятельства предмета доказывания, с позиций другого — ее может и не быть, и в данной ситуации предметом спора является достаточность собранных доказательств для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию» [2, с. 88]. Проблема в том, что использование отдельным субъектом той или иной совокупности доказательств не меняет их объективного значения, не увеличивает и не уменьшает объема сведений, отражаемого доказательством, не отменяет наличия исследуемой информации. В данном аспекте пределы доказывания следует считать объективной категорией. Субъективной может быть лишь соответствующая оценка субъектом объективного наличия совокупности доказательств; 3. В рассмотрении понятий «пределы доказывания» и «достаточность» речь ведется только лишь о процессуально значимых сведениях вне источника их нахождения, без объяснения причин подобного подхода. Однако такое видение, особенно «достаточности», является слишком узким и не вмещает всей полноты одного из самых сложных элементов оценки доказательств. Ведь оценка достаточности немыслима в условиях игнорирования источников доказательств. Само наличие источников, а также их допустимость выступают непременной предпосылкой для оценки достаточности содержащихся в них сведений.

Подводя итог критической оценке имеющихся взглядов на понятие «пределы доказывания», следует констатировать факт бесплодности отказа от формально-количественных установок в их определении. Представляется, что количественная модель пределов доказывания должна складываться из следующего.

1. Буквальное понимание пределов доказывания как количества доказательств было бы неоправданно в силу действия принципа свободной оценки доказательств и запрета их суммарным комбинациям обосновывать процессуальные решения. Вместе с тем не отражает реального понимания пределов доказывания и указание на совокупность доказательств. С одной стороны, как уже было указано, совокупность доказательств шире пределов доказывания, так как включает не только наличие доказательств, но и их логическую взаимосвязь. С другой стороны, совокупность предполагает некую сумму, множественность, количество более одного. Поэтому признание пределов как совокупности доказательств исключает возможность их достижения за счет единственного доказательства, что, конечно, не соответствует реальному положению дел. В этой связи оптимальным для определения пределов доказывания следует считать понятие «число», которое включает в себя как единичные факты, так и их множественность.

2. Понимание пределов доказывания как числа доказательств, не отвечает на ранее поставленный вопрос – речь идет об информационных свойствах доказательства, позволяющих познать обстоятельства дела, или о наличии источника доказательства. Для его разрешения следует обратиться к современному пониманию понятия «доказательство», которое представляет единство сведений об обстоятельствах дела (содержание), содержащихся в предусмотренных законом источниках (форма). Это проявление смешанной (синтезированной) концепции доказательств, где единство сведений и источника вовсе не является неразделимым с позиций научного познания. Тем не менее такое разграничение совершенно необходимо. Дело в том, что обе эти стороны исследуются, проверяются и оцениваются, как правило, порознь, так как к ним предъявляются разные требования. Объективная возможность отдельного самостоятельного исследования формы и содержания в понятии «доказательство», научное обособление источника от содержащихся в нем сведений открывает перспективы для разграничения понятий «пределы доказывания» и «достаточность доказательств» – пределы доказывания определяют наличие источника, в то время как достаточность отражает их качественное содержание с позиций возможности формирования процессуальных выводов. При этом пределы доказывания выступают лишь как необходимое условие для оценки достаточности доказательств. Здесь в полной мере работает философский закон перехода количества в качество: достаточность как качественный элемент, основанная на количественных пределах доказывания, позволяет приблизиться к решению того или иного процессуального вопроса.

Все изложенное дает возможность определить «пределы доказывания» как число источников доказательств, требуемое для обоснования процессуального решения.

Библиографический список

1. Александров А. С., Фролов С. А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств. Н. Новгород, 2011. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_2011/index.html (дата обращения: 15.09.2014).
2. Барабаш А.С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997.
3. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.
4. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.

5. Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002.
6. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования. дис. ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2006.
7. Курдадзе М.З. Пределы доказывания на предварительном следствии. Тбилиси, 1986.
8. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. М., 1970.
9. Лупинская П.А. Решения в уголовном процессе: теория, законодательство, практика. М., 2010.
10. Миньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956.
11. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000.
12. Стойко Н.Г., Барабаш А.С. Доказывания при прекращении уголовных дел: Вопросы реабилитации и освобождения от уголовной ответственности. Красноярск, 1996.
13. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973.
14. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008.
15. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб., 2005.
16. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008.

References

1. Aleksandrov A.S., Frolov S.A. Relevance of criminally-remedial evidencies. N. Novgorod, 2011. Retrieved from: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/aleksandrov_2011/index.html (accessed 15.09.2014) [in Russian]
2. Barabash A.S. Essence of the criminal procedure and its role in the formation of responsibility of delinquent. Krasnoyarsk, 1997 [in Russian]
3. Belkin A.R. Theory of proving in the criminal proceedings. М., 2005 [in Russian]
4. Gorsky G.F., Kokorev L.D., El'kind P.S. Problems of proving in the Soviet criminal process. Voronezh, 1978 [in Russian]
5. Gromov N.A., Zaitseva S.A. Estimate of evidences in the criminal procedure. М., 2002 [in Russian]
6. Kostenko R.V. *Dokazatel'stva v ugolovnom protsesse: kontseptual'nye podkhody i perspektivy pravovogo regulirovaniia. dis. ... d-ra. iurid. nauk [Evidences in the criminal process: conceptual approaches and perspectives of legal regulation: Doctor's of Law thesis].* Krasnodar, 2006 [in Russian]
7. Kurdadze M.Z. Frameworks of proving in the preliminary investigation. Tbilisi, 1986 [in Russian]
8. Larin A.M. Criminal investigation. М., 1970 [in Russian]
9. Lupinskaya P.A. Solutions in the criminal process: theory, legislation, practice. М., 2010 [in Russian]
10. Min'kovsky G.M. Frameworks of proving in the Soviet criminal process. М., 1956 [in Russian]
11. Orlov Yu. K. Foundations of the theory of proofs in the criminal process. М., 2000 [in Russian]
12. Stoiko N.G., Barabash A.S. Proofs at termination of criminal cases: Issues of rehabilitation and relief from criminal responsibility. Krasnoyarsk, 1996 [in Russian]
13. Theory of proofs in the Soviet criminal process. N.V. Zhogin (ed). М., 1973 [in Russian]
14. Ul'yanova L.T. Subject of proving and evidences in the criminal process of Russia. М., 2008 [in Russian]
15. Khmyrov A.A. Indirect evidences in criminal cases. SPb., 2005 [in Russian]
16. Sheifer S.A. Evidences and proving on criminal cases: problems of theory and legal regulation. М., 2008 [in Russian]

*D.V. Zotov**

**PROVING LIMITS IN THE CRIMINAL PROCESS:
FORMAL AND QUANTITATIVE STUDY**

This article contains research of different points of view on the concept of «proving limits»; substantiates the possibility of investigating the limits of proving from the positions of reasonable formalism.

Key words: proving limits; process of proving, quantity of proving, formalism.

* *Zotov Denis Valentinovich* (zotov78@mail.ru), Department of Organization of Judicial Authority and Law Enforcement Activity, Voronezh State University, Voronezh, 394077, Russian Federation.